

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» несказочной прозы

**Анна Анатольевна Забияко,
Цзюй Куньи**

(Амурский государственный университет:
Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21)

Аннотация. В статье анализируются два варианта рассказа о «харбинских дедушках» — своего рода культурных героях, пассионариях — как части китайского варианта «харбинского текста» городского фольклора первой половины XX в. Рассказанная в разных коммуникативных ситуациях одним информантом, устная история, сохраняя в своей основе «сюжет о напрасном кладе», получила разные смысловые акценты и приобрела разные жанровые формы. В «русской ситуации» меморат на китайском языке с элементами предания актуализировал тему «работы дедушки у русского купца», «обретения дедушкой богатства», «утраты семьей (русского) богатства», «начала собственно китайской истории Харбина». В «китайской ситуации» рассказывания по прошествии времени наш информант дополнил рассказ о легендарных «харбинских дедушках» актуальными сегодня в китайском культурном сознании мотивами «Прорыва в Гуаньдун», «работы дедушки у генерала Хорвата», праведности старейшины рода и его уникальности (высокий интеллект, красивая внешность, знание русского языка). При этом меморат перешел в легендарный фабулат о китайском освоении Северо-Востока и Харбина ханьцами-пассионариями. Несмотря на китайскую этнокультурную парадигму, анализируемый сюжет органично вписан в «харбинский текст» сказочной прозы, воплощая фронтирность и мифологичность как базовые установки создания городского фольклора Харбина.

Ключевые слова: китайская модель, «харбинский текст», меморат, устный рассказ, фабулат, «сюжет о напрасном кладе».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6. Авторы благодарят Н. Н. Лалетину за помощь в реконструкции топонимических реалий Харбина первой половины XX в.

Дата поступления статьи: 16 января 2023 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Забияко А. А., Цзюй Куньи. Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» сказочной прозы // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 88–97.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.1.008>

Мемораты являются важным источником пополнения фонда фольклорной городской прозы [Неклюдов 2003]: в них

происходит первоначальный отбор фактов реальной действительности, важных для носителей фольклора [Голованов 2013,

89]. Такой отбор осуществляется уже в самом коммуникативном акте, в процессе устной передачи впечатлений участника или очевидца событий другому человеку. Моменту рассказа предшествует отбор информации в сознании говорящего — через эмоции, чувства. Из множества разнообразных жизненных впечатлений выбирается материал, который, по мнению информанта, заслуживает того, чтобы быть рассказанным: он произвел сильное впечатление на самого рассказчика; заключенная в нем информация может быть полезна и интересна слушателю; события прошлого находят отклик в настоящем [Голованов 2013, 89]. В случае формирования устной прозы харбинцев — как оказывается, и в русском, и в китайском дискурсе — базовые характеристики сознания носителей народной культуры (фронтирность и мифологичность) способствуют продуцированию новых жанровых форм на основе устного рассказа как мемората [Цзюй 2019; Забияко, Цзюй 2021; 2022].

Анализ китайской модели такого рода жанровой трансформации представляется весьма репрезентативной. Мы можем на ее примере наблюдать, как механизм создания устного «харбинского текста» работает в определенной этнокультурной парадигме.

Нашим информантом стал (по собственной инициативе) г-н Т. (ученый-антрополог), сам имеющий богатый опыт собирания устных рассказов в среде русских Трёхречья [唐戈 2015, 92]. Первый опыт «фольклорного общения» с нашим собеседником состоялся на конференции в России (г. Благовещенск), посвященной истории русской дальневосточной эмиграции, после экскурсии в зал музея «Русский Харбин: история, культура, литература». В атмосфере дружеской беседы, под впечатлением от увиденного г-н Т. поведал историю своей семьи сквозь призму семейного мемората-предания о «харбинском дедушке» [Беседа с г-ном Т. 2019]. Очевидно, в ситуации преобладания русского дискурса (русского языка оформления самой музейной экспозиции, экскурсии, конференциальных встреч) китайский исследователь почувствовал потребность осознать и запечатлеть свою личную — китайскую — причастность к замечательной истории родного ему города Харбина, обозначить китайскую часть его истории, пересекающуюся с русской. Данный устный

рассказ (на китайском языке) возникает в процессе экскурсии спонтанно — как семейный меморат с элементами предания.

Коммуникативная ситуация рассказывания (финал экскурсии, завершение рабочего дня конференции) определила краткость излагаемого материала, его конспективность:

“我也想讲一段哈尔滨的历史。也是我的家族史。我有一个祖父。他是哈尔滨人。旧时代。大(三)爷爷,我奶奶的哥哥。他为一位非常富有的俄罗斯商人工作。那是早在20世纪初。

他是个厨师。一个很好的厨师。因此,当这个俄罗斯商人决定了离开哈尔滨(我认为他去了上海)时,他给爷爷留下了很多钱。爷爷变得富有了。他给自己买了一个好房子。他对家人帮助很大。

当他老了,他什么都不记得了。也并没有告诉他的女儿,我的阿姨,他有钱这件事。他只是躺在床上,生病了,阿姨花了很多钱来治疗他。照顾他。他躺着的时候,总是指着天花板,但什么也说不出。阿姨不知道他在给她看什么。

爷爷去世后,阿姨开始收拾房子。她不小心碰到了天花板上的一个突起。她们发现了这笔钱。很多钱。这是爷爷很久以前把钱藏在一块破布里,放在天花板上。但不幸的是,这笔钱已经不能用了—这是旧

(Я хочу тоже рассказать харбинскую историю. Историю моей семьи. У меня был дедушка. Он тоже был харбинский человек. Еще старых времен.

Он был поваром. Очень хорошим поваром у русского купца. И потому, когда русский купец решил уехать из Харбина (мне кажется, в Шанхай он уехал), то он оставил дедушке много-много денег. Дедушка стал богатым. Он купил себе хороший дом. И много помогал семье.

Когда он стал старым, он уже не помнил ничего. И не сказал своей дочери, моей тете, что у него есть деньги. Он просто лежал, болел, тете надо было много денег, чтобы его лечить. За ним ухаживать. А он, когда лежал, всё время показывал на потолок, но не мог сказать ничего. И тетя ничего не понимала, что он показывает ей.

Когда дедушка умер, то тетя стала наводить порядок, убирать дом. И она нечаянно ударила о выступ в потолке.

На нее и помощницу посыпались деньги. Много-много денег. Это дедушка давно эти деньги спрятал в тряпку и положил в этот выступ из бумаги. Но, к сожалению,

*деньги уже ничего не стоили — это были старые деньги, наверное, еще времени русского (царя) Никола. Такая история моего харбинского дедушки*¹.

Устный рассказ нашего информанта фиксирует «харбинскость» китайского нарратива, основными мотивами которого становятся знаковые для рассказчика моменты: 1) работа китайского дедушки-повара у богатого русского купца и 2) утерянное семьей богатство дедушки-повара, полученное в виде «напрасного клада».

Как правило, китайские нарративы о русских харбинцах устойчиво строятся на социальном противопоставлении *богатства русских и бедности китайцев* — в противовес русскому харбинскому мифу об отсутствии сословных различий в Харбине. В этом, на наш взгляд, также проявляется мифологизация харбинских реалий, но уже с китайской стороны, объясняемая фактической социальной пропастью между русскими и китайцами первой половины XX в. Этот фрейм китайской интерпретации харбинской истории первой половины XX в. находит отражение и в литературных произведениях того периода [萧军 2008a; 萧军 2008b; 萧军 2008c], и в китайской историографии конца XX — начала XXI в. [李济棠 1979; 佟冬 1985; 黄定天 2013].

«Сюжет о напрасном кладе» в своей основе отвечает базовым китайским установкам о счастье, даваемом богатством, — налицо проявление глубинных универсалий китайского сознания. Потерявшие свое значение после 1945 г. царские деньги становятся стимулом для социального роста членов семьи, могущих рассчитывать только на собственные силы после 1949 г. В этом посыле — сопряжение архетипического и идеологического в устном рассказе, сочетающем элементы мемората и предания.

Второй раз «рассказ о харбинском дедушке» был поведен уже китайскому автору статьи в Харбине в процессе интервью в неформальной обстановке, когда собеседники не были ограничены во времени и находились в «китайской ситуации» [Беседа

с г-ном Т. 2022]. На наш взгляд, за время, прошедшее с момента записи первого нарратива, наш рассказчик имел возможность сообразовать события семейной истории с парадигмой новой социальной мифологии истории, принятой в качестве идеологии на Северо-Востоке в последние годы. Речь идет о концепции миграционного движения «Прорыв в Гуаньдун», на основе которой в настоящее время написаны романы, создаются телесериалы и театральные постановки [王欣睿 2016, 306; 杜兴 2008, 29; 辛志凤 2020, 103]. Герои «Прорыва в Гуаньдун» — ханьские мигранты, преодолевающие границы «Ивового палисада»², — в современной мифологизации истории обретают черты пассионариев и героических натур [Забияко и др. 2022]: «Движение “Прорыв в Гуаньдун” образовало мощную миграционную волну на Северо-Востоке. Она имела самый большой масштаб, самый длинный срок и самое большое количество мигрантов в китайской миграционной истории новой эпохи. В контекстном понимании процесса переселения, образа переселения, целеполагания переселения и т.д. эта миграционная волна стала образцом китайской миграционной истории новой эпохи, оказала неопределимое и глубокое влияние на Китай, особенно на развитие и перемену социально-исторической культуры района Северо-Востока» [张妹 2019, 59].

Итак, во втором варианте нарратива «китайский дедушка» — сын «третьего дедушки»³ рассказчика, герой-пассионарий, пришедший вместе с родителями с определенной миссией в Гуаньдун (Маньчжурию), чтобы начать развивать в этом диком крае культуру выращивания сезонных овощей. Причем процесс миграции в Гуаньдун увязывается в сознании информанта еще с одним знаковым историческим событием — восстанием ихэтуаней, однако наш информант о нем предпочитает не распространяться, и интервьюер также не углубляется в исторические подробности:

就是我爷爷的叔叔，他们是1900年从山东寿光县闯关东过来的... 然后他过来之后我不是很清楚，因为这个人我也没

¹ Здесь и далее пер. Цзюй Куньи, лит. ред. А. А. Забияко.

² «Ивовый палисад» или «Ивовая граница», также «Граница ивовых тычин» — сеть укрепленных из рвов и насыпей, посаженных ивовыми деревьями, сооруженных в период династии Цин в конце XVII в. для предотвращения проникновения китайцев в Маньчжурию.

³ В китайской системе родства, где приоритетным правом наследования обладает отцовская линия, «третий дедушка» (三爷) — брат дедушки или бабушки по папе.

有见过。应该前两年就去世了，说他因为我们家在山东那边儿是，呃，那个种菜的，然后到这边来也是种菜

(Это был брат моего деда, они перешли в Гуаньдун из уезда Шоугуан провинции Шаньдун в 1900 г. ... Когда точно он пришел, мне не очень ясно, потому что я никогда не встречал этого человека. Мой отец скончался два года назад, рассказав, что наша семья жила в провинции Шаньдун, выращивала овощи, а потом приехала сюда, чтобы тоже выращивать овощи).

Китайское сознание нашего информанта последовательно экстраполирует в фольклорный текст универсальные установки китайской модели мира. Предыстория «третьего дедушки» — патриарха рода, отца главного героя повествования, строится на модели следования сяо⁴. Как настоящий родоначальник, «третий дедушка» обязан был содержать семью и приумножать ее благосостояние:

我家的钱都是我这个太爷挣的。然后当时他跟我这个太奶是两地分居。我太奶在老家，我老家是宾县县城，离哈尔滨不到60km，他们俩一直是两地分居。然后这个家长就是我三太爷，就是整个这个家族的家长。后来我三太爷去世之后，就是我这个三太奶（管家），就是大家挣的钱都要交给我这个三太奶。

(Все наши деньги заработаны моим прадедом <«третьим дедушкой»>. В то время он и моя прабабушка были отделены друг от друга. Моя прабабушка была в моем родном доме, а мой родной дом был в уезде Биньсянь, который менее чем 60 км от Харбина. Они жили в двух разных местах. Мой третий прадедушка был патриархом, старейшиной всей семьи. Позже, когда мой третий прадедушка скончался, патриархом стала моя третья прабабушка (ведала домашними делами), и все заработанные деньги должны были быть переданы моей третьей прабабушке).

Мы наблюдаем реализацию жанровой модели предания, в котором сюжет строится вокруг легендарного предка:

就是因为三太爷他也没有留下照片，我估计他应该在各个方面都比较优

秀。我还有一个二太爷，二太爷就是没有后代，就是结婚了，但是好像没没生育，大概四十多岁就去世了。我估计人（三太爷）的这个容貌，他的智商各个方面都应该是家族中最优秀的。要不我三太奶不能嫁人，我三太奶是贵族出身。是我们县的清代最后一任知县，王大人的表妹。

(Третий прадедушка не оставил ни одной фотографии, но я думаю сам: он должен быть превосходным во всех аспектах. Я считаю, что не только внешность, но и уровень его умственного развития должны быть лучшими в семье по всем аспектам. В противном случае моя третья прабабушка не могла выйти за него замуж. Моя третья прабабушка была из знатной семьи. Она последний начальник уезда нашего округа в династии Цин и двоюродная сестра Ван-даженя⁵).

<...> Да, есть запись начальника уезда, все знают, что был такой человек Ван-дажень, двоюродный брат моей третьей прабабушки, так что, если бы он <троюродный прадедушка> был недостаточно хорош собой, я думаю, моя третья прабабушка не вышла бы за него замуж. Позже он ушел от русского дворянина и вернулся в родной дом).

Следующим мотивом семейного предания становится уже русская реальность Харбина первой половины XX в., и снова в современной версии китайской мифологии Харбина, где проекцией, подтверждающей неординарность «китайского дедушки» — сына первопредка рода (следуя уже накопленному корпусу мемуаров, где Харбин именуется «счастливой Хорватией») [«*Восток*» 2013], выбран русский генерал-лейтенант Д. Л. Хорват (1858–1937). Его имя сегодня на слуху у образованной части китайских харбинцев, о нем снимаются фильмы и издаются книги:

他在哈尔滨给一个俄侨的贵族当厨师，而且是西餐厨师。对，对对，这个俄侨贵族住在新香坊，我怀疑是不是霍尔瓦特。*<...>* 因为（在）新香坊你要是说是如果贵族的话那只能是霍尔瓦特吧。那个可能还有别人，但是很大概率是这个（人）。

⁴ Сяо 孝 xiào — почтительность к родителям; древний иероглиф выглядит как «ребенок, помогающий пожилым родителям». Сяо 孝 означает поддержку, любовь и почитание родителей. Конфуцианский сложновыстроенный принцип почитания старших.

⁵ Даженя 大人 dàrén — обычные люди так называли чиновников династии Цин. Фамилия чиновников добавлялась перед dàrén, например, в данной статье: человека зовут Ван-дажень, его фамилия Ван.

(Он <сын «третьего дедушки»> работал поваром у русского дворянина в Харбине, и поваром европейской кухни. Да, да, да, у этого русского эмигранта-дворянина (жил в Синьсянфане⁶) — подозреваю, что это был Хорват⁷. <...> Потому что если (в) Синьсянфане, тем более дворянин, то это мог быть только Хорват. Может, и другой <человек>, но велика вероятность, что именно этот <человек> — Хорват).

Обратим внимание: герой этой части нарратива, «китайский дедушка», сын «первопредка» — «повар европейской кухни». Это еще одна важная деталь китайской версии «харбинского текста». Не секрет, что гастрономия — важнейшая часть китайской ментальности. Известно, что за годы историографических пертурбаций (с 1949 г. до сегодняшнего дня) модель «русской колонизации Харбина» в китайском сознании была заменена на более политически лояльную и маркетингово привлекательную модель «международного Харбина», «европейского Харбина». Наш нарратор абсолютно органичен данной версии в своем словоупотреблении, но, с другой стороны, сегодня не могут быть достоверно известны гастрономические предпочтения генерала Хорвата.

Чудесный предмет, доставшийся семье от культурного героя «нового времени», выступает залогом успешности самого рассказчика и его собственной уникальности:

«Ну,回老家之后(前)俄国贵族给了他一套西餐的餐具,那套西餐餐具应该很多都是瓷器,后来都被我母亲给弄碎了,就是说那会儿小孩儿也多,都给打碎了,现在留下的就是一个叉子。

(Ну, а прежде возвращения дедушки в родной дом русский дворянин подарил ему набор европейской посуды. Большая часть европейской посуды была сделана из фарфора, но потом это всё сломала мама, то есть детей тогда было много, и вся посуда была

сломана, а теперь осталась только вилка. <...> Да, вилка у меня).

Далее в контаминированную сюжетику мемората-предания-легенды вкрапляется сюжет о кладе, его мнимой профанации (действительно, это были избыточные деньги: семья уже все получила благодаря удачным вложениям «третьего дедушки» в семейную экономику) и, на самом деле, его промыслительной роли:

他挣了很多钱,就是有两捆,两大捆,我们当时叫老毛子票,就是枪铁,就是中东铁路发行的那个。就是苏联,应该是苏联的货币,或者是沙俄的货币,就是当时在中国东北流通,然后我三太爷应该是准备拿这些钱去买地,因为这都是那种传统的观念嘛。但是后来他就得了病了,得了病之后呢,这个病就是他不能说话了,然后他总是往那个棚上指,但是我母亲也没有理解,所有家里人都没理解。后来他就去世了,去世之后,解放以后大概,大概没多久,然后春节前夕我母亲扫棚。

她放在那个他过去东北的房子(里),有一种棚,叫吊棚。是拿那个纸糊的,上面可以放一些东西,它不能放太重的,太重的容易把那个(棚压坏)。那个上面可能还有一些那个木杆儿做的东西,就是说把那个纸和糊涂(木杆)上面去,它(两捆钱)放在那儿了,我母亲不小心就是把那两捆钱给捅下来了,才知道是咋回事儿啊。

<Соб.: —那您保留了么?这些钱?>

没有,没有啊,没保留。后来我母亲也觉得是一件幸运的事情,嗯,因为这样的话我们家就可能变成地主。

<Соб.: —文化大革命,是吧?>

对,土改的时候可能被划成地主,划成地主可能之后有一些后代可能直到文革结束,可能都要遭遇各种不测了。

<Соб.: —那也确实,幸亏没有保留。>

大概就是这么简单。

(Дедушка заработал много денег, то есть было две пачки, две большие пачки, мы тогда называли их лаомаоцзы⁸, пяо⁹,

⁶ Синьсянфан 新香坊 Xīn Xiāngfāng — название деревни, входящей сегодня в р-н Сянфан г. Харбин провинции Хэйлунцзян, расположенной в восточной части р-на Сянфан. В русской топонимике — п. Алексеевка, где находилась резиденция генерала Хорвата.

⁷ Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 1 июля 1903 г. полковник Хорват получил главное в своей жизни назначение — на должность управляющего Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД), Маньчжурия, в которой проработал бессменно 15 лет. В годы его управления Харбином город именовался «счастливой Хорватией» — столь успешной была миссия Д. Л. Хорвата.

⁸ Лаомаоцзы 老毛子 lǎomáozi — груб. «волосатый, волосатик» (русский, иностранец), 1910–1940-е гг.; см. подробнее: [Забяко и др. 2020].

⁹ Пяо 票 piào — карточка, валюта в обращении в Харбине в 1910–1930 гг.

они были выданы Китайско-Восточной железной дорогой. Это советские <деньги>, должна быть, валюта Советского Союза или царской России, которая в то время имела хождение в Северо-Восточном Китае, и тогда мой третий прадедушка планировал использовать деньги для покупки земли, потому что это традиционная линия поведения. Но потом он заболел. После того как он заболел (болезнь в том, что он не мог говорить), тогда он всегда указывал на навес, но моя мать этого не понимала, и все в семье не понимали, и потом он умер. После смерти, после освобождения (речь идет, очевидно, о 1945 г., освобождении Северо-Востока Китая от японцев. — Авт.), наверное. Это не заняло много времени, и вот накануне праздника Весны (т.е. на следующий год, перед Китайским новым годом. — Авт.) мама убрала навес.

<...> Он положил их (две пачки денег. — Авт.) в доме на северо-востоке, там смастерил что-то вроде навеса, вроде подвесного потолка, склеил из бумаги, на навесе можно положить что-нибудь, но тяжелое нельзя, тяжелым легко <раздавить>.

Там, может быть, что-то было сделано из такой деревянной жерди, то есть положили бумагу и на нее <деревянные жерди>, они (две пачки денег. — Авт.) были там, и моя мать случайно проткнула две пачки денег, и тогда она поняла, что происходит. Но эти деньги уже были аннулированы.

<Соб.: Вы сохранили эти деньги?>

Нет, нет, не сохранил. Позже моя мать думала, что это тоже — повезло, потому что тогда наша семья могла прослыть землевладельцами.

<Соб.: В «культурную революцию», да?>

Да, во время земельной реформы их могли бы классифицировать как помещиков, а после того, как они будут классифицированы как помещики, возможно, некоторые потомки не смогли бы дожить до конца «культурной революции» и могли столкнуться с различными неожиданными событиями.

<Соб.: Точно, к счастью, не сохранили.>

В общих чертах, вот это вся <история>, так просто).

Финал нарратива амбивалентный. С одной стороны, рассказчик актуализирует китайскую мифологию о ханьских «первопредках», принесших цивилизацию на Северо-Восток:

另外一个什么呢? 就是我们家从山东寿光过来之后, 种植蔬菜, 而且是

种植反季节蔬菜, 我估计当时应该在东北的北部应该是一种首创。嗯, 山东我不知道, 好像没有反季节蔬菜。

我甚至认为我们家反季节蔬菜在中国是第一家。就是当时没有那个塑料嘛, 现在叫塑料大棚。当时我们叫玻璃窖子, 用玻璃做的, 但是用玻璃做玻璃窖子肯定在我们宾县, 我们家是唯一的一家, 因为宾县没有卖

(Что еще там? То есть, после того как наша семья приехала из Шоугуана, провинция Шаньдун, мы сажали овощи, причем несезонные, я думаю, это должны были быть первые <поселенцы> в северной части Северо-Востока.

Да, да. В Шаньдуне, я не знаю, мне кажется, что несезонных овощей не бывает. Я даже думаю, что наше семейство несезонных овощей первое в Китае. Потому что в то время не было пластика, а сейчас это называется пластиковой теплицей. В то время мы называли стеклянный погреб, и он был сделан из стекла, но стеклянный погреб из стекла должен быть в нашем уезде Биньсянь. Наша семья единственная, потому что в уезде Биньсянь нет стекла, которое продается, и мой третий дедушка купил его в Харбине и прислал обратно.

Да, когда я был молодым, только у нашей семьи был <такой погреб>, больше ни у кого не было, поэтому мы могли продавать овощи по хорошей цене, то есть мы могли поставить их на рынок на месяц вперед, так что это также связано с опытом моего третьего прадедушки).

С другой стороны, финальной точкой в рассказе становится все же феноменальная способность дедушки-ханьца, сына патриарха рода, наследующего отцу, — не выращивать овощи, а говорить по-русски:

— 另外他估计他应该会俄语。

— 啊, 他还会俄语。

— 他得会俄语。

— 他给人家当厨师。

— 要否则的话他没有没办法在这个家庭服务

(Кроме того, я думаю, он должен был уметь говорить по-русски.

— Ой, он мог говорить по-русски!

— Он должен был знать русский.

— Эх, да. Он же был поваром.

— В противном случае у него не было бы возможности служить в этой семье).

Таким образом, сюжеты «о харбинских дедушках», семейные мемуары

с элементами предания с течением времени обрастают легендарными подробностями. Устный рассказ превращается в многосюжетное легендарное повествование, в котором находят воплощение все присущие фронтальному мышлению китайских харбинцев мифологемы — от «Прорыва в Гуаньдун» (преодоления границы от дикости к цивилизации), героизации пассионариев-мигрантов до контаминации этой сюжетике с русскими мифологемами Харбина (причастности к семье Хорвата, владения русским языком, чудесного обретения богатства благодаря своему китайскому трудолюбию и умению готовить любые блюда). И самое главное — способности избежать несчастливой судьбы благодаря тому, что первопродки («третий дедушка» и его сын), очевидно, вели праведный образ жизни.

Акценты в двух нарративах харбинца-китайца, обращенных к сюжетам о «харбинских дедушках», абсолютно различны. Первый рассказ, без сомнения, интенционально возникает как меморат, но из семейного мемората переходит в предание. Второй устный рассказ из семейного мемората с элементами предания трансформируется в многомотивную легендарную историю этиологического содержания. Весьма характерно, что это происходит за счет контаминации архетипических сюжетов о предках («культурных героях», обладающих неординарными способностями), этнокультурных китайских мифологем, трактующих праведность (следование *сяо*, трудолюбие), и современных медийных мифологем (популярная ныне в Китае тема «Прорыва в Гуаньдун» (闯关东) и одновременно — мифологическая фигура генерала Хорвата).

И в том, и другом случае акценты зависели от прагматической установки — того, какое впечатление хотел произвести на

слушателей наш рассказчик. В «русском» случае он обратил внимание на то, какие добрые отношения сложились у его двоюродного деда и русского хозяина, а также на то, что время русских в Харбине кончилось. В «китайском» варианте была актуализирована личность прадеда — каким замечательным пассионарием был этот «первопродок», приехавший в Харбин из Шаньдуна, основавший в Маньчжурии выращивание сезонных овощей. Потому и сын его выучил русский язык благодаря своим неординарным способностям и приглянулся русскому «дворянину» Хорвату, став у него поваром, сколотив необыкновенное состояние.

Семантическое наполнение двух нарративов различается объемом содержания, формой субъектности (в первом случае перед нами меморат, во втором — явный фабулат с отсылкой на то, что рассказчику поведал о легендарной личности «третьего дедушки» и его сыне отец, который уже умер).

Данный сюжет, спонтанно возникший в корпусе собираемых устных рассказов, представляет собой китайский этнокультурный вариант продуцирования «харбинского текста» устной несказочной прозы. Его концептуальной основой также является фронтальность и мифологичность, но реализация протекает по законам китайской модели мифологизации истории с использованием этнически закрепленных матричных текстов (мифологии «Прорыва в Гуаньдун», социального мифологизирования русского присутствия в Маньчжурии, мифологизации исторических личностей). И самое важное — объединяющим началом данных рассказов является культ *сяо* и вера в судьбу, укорененные в китайской ментальности [Забияко 2011, 247].

Источники и материалы

Беседа с г-ном Т. 2019 — Зап. от 唐先生 T. Xiansheng, 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Благовещенск, Амурская обл., Россия. Соб. А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуань. 2019 г. Архивный фонд Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета ЦИДВЭ АмГУ.

Беседа с г-ном Т. 2022 — Зап. от 唐先生 T. Xiansheng, 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР. Соб. Цзюй Куньи. 2022 г. Архивный фонд Центра изучения дальневосточной эми-

грации Амурского государственного университета ЦИДВЭ АмГУ.

萧红 1940 — 萧红. 呼兰河传. 长春, 1940. [Сяо Хун. Сказание о Хулань. Чанчунь, 1940].

萧军 2008a — 萧军. 第三代 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 2. 北京, 2008 [Сяо Цзюнь. Третье поколение // Сяо Цзюнь. Собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Пекин, 2008].

萧军 2008b — 萧军. 第三代 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 3. 北京, 2008 [Сяо Цзюнь. Третье поколение // Сяо Цзюнь. Собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Пекин, 2008].

萧军 2008с — 萧军. 八月的乡村 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 1. 北京, 2008. 页. 31–155 [Сяо Цзюнь. Деревня в августе // Сяо Цзюнь. Собр. соч.: В 20 т. Т. 1. Пекин, 2008. С. 31–155].

中东铁路 2013 — 中东铁路 // 纪实台 央视网 (cctv.com) [КВЖД // Официальный сайт Центрального телевидения Китая. Канал документальных фильмов]. URL: <http://jishi.cntv.cn/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml> (дата обращения: 14.08.2022).

Исследования

Голованов 2013 — Голованов И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2013. № 2 (293). Вып. 74. С. 89–92.

Забяико 1998 — Забяико А. П. Мифологизирование истории // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 54–55.

Забяико 2011 — Забяико А. А. Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии. М.: Русский путь, 2011. С. 247–265.

Забяико и др. 2020 — Забяико А. А., Забяико А. П., Чжан Жунян. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 135–151.

Забяико и др. 2022 — Забяико А. А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Е Янян. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературоведческой парадигме XX–XXI вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2022. С. 288–298.

Забяико, Цзюй 2021 — Забяико А. А., Цзюй Куньи. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н. Н. Лалетиной) // Религиоведение. 2021. № 4. С. 78–94.

Забяико, Цзюй 2022 — Забяико А. А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51.

Неклюдов 2003 — Современный городской фольклор / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. (Традиция — текст — фольклор: Типология и семиотика).

Цзюй 2019 — Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX в. в меморатах харбинцев // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135.

杜兴 2008 — 杜兴. 民间绝唱: 王宝川下关东 // 看历史. 2008. № 2. 页. 29–30 [Ду Син. Народная песня «Ван Хуэйчуань, бегущий в Гуаньдун» // Взгляд на историю. 2008. № 2. С. 29–30].

唐戈 2015 — 唐戈. 中国俄罗斯族的族群认同及其变迁 // 延边大学学报 (社会科学版). 2015. № 48 (01). 页. 92–98 [Тан Гэ. Этническая идентичность и изменения танго // Янбийский университетский журнал. Сер. Социальные науки. 2015. № 48 (01). С. 92–98].

黄定天 2013 — 黄定天. 中俄关系通史. 人民出版社, 2013 [Хуан Динтянь. Общая история китайско-российских отношений. Народное изд-во, 2013].

李济棠 1979 — 李济棠. 中东铁路-沙俄侵华的工具. 黑龙江人民出版社, 1979 [Ли Цзитан. КВЖД — инструмент агрессии России в Китае. Хэйлунцзянское народное изд-во, 1979].

佟冬 1985 — 佟冬. 沙俄与东北. 吉林文史出版社, 1985 [Тон Дон. Царская Россия и Северо-Восток. Цилиньское изд-во литературы и истории, 1985].

王欣睿 2016 — 王欣睿. 闯关东文学. 长春, 2016 [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Прорыв в Гуаньдун». Чанчунь, 2016].

辛志凤 2020 — 辛志凤. 闯关东精神是具有东北特色的民族精神 // 中国民族博览. 2020. № 4. 页. 103–104 [Синь Чжифен. Прорыв в Гуандун — национальный дух с северо-восточным национальным характером // Китайская национальная выставка. 2020. № 4. С. 103–104].

张妹 2019 — 张妹. 闯关东精神的丰富内涵及价值支撑研究 // 中共济南市委党校学报. 2019. № 1. 页. 59–64 [Чжан Мэй. Исследования богатых коннотаций и ценностей «Прорыва в Гуаньдун» // Журнал партийной школы Цзинаньского горкома КПК. 2019. № 1. С. 59–64].

© А. А. Забяико, Цзюй Куньи, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Забяико А. А. <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории фронтальных исследований Амурского государственного университета: Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, д. 21; тел.: + 7 (4162) 23-45-60; e-mail: sciencia@yandex.ru

Цзюй Куньи <https://orcid.org/0000-0003-0957-0213>

Научный сотрудник Лаборатории фронтальных исследований Амурского государственного университета: Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, д. 21; тел.: +7 (4162) 23-45-60; e-mail: j_kueen@aliyun.com

Stories About the “Harbin Grandfathers”: The Chinese Model of Creating the “Harbin Text” of Non-Fabulous Prose

Anna A. Zabayako,
Ju Kunyi

(Amur State University: 21, Ignatyevskoe highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. This article analyzes two versions of a story about “Harbin grandfathers” — a kind of cultural hero, “passionaries” in L. N. Gumilev’s theory — as part of the Chinese version of the “Harbin text” of urban folklore from the first half of the twentieth century. Told in different communicative situations by one informant, these oral histories, while retaining the “plot of a futile treasure,” may have different semantic accents and take on different generic forms. In the “Russian communicative situation” the memorate in Chinese with elements of legend presents the theme of “grandfather’s work for a Russian merchant,” “grandfather’s acquisition of wealth,” “the loss of (Russian) family wealth,” and “the beginning of the Chinese history of Harbin proper.” In the “Chinese situation” of the narrative, after the passage of time our informant supplemented the story of the legendary “Harbin grandfathers” with current motifs from Chinese cultural consciousness: “Breakthrough to Guangdong”; “grandfather’s work for General Horvat”; and the righteousness of the family elder and his uniqueness (high intellect, good looks, knowledge of the Russian language). At the same time, the memorate turned into a legendary plot about the Chinese development of the Northeast and Harbin by Han passionaries. Despite the Chinese ethno-cultural paradigm, the analyzed plot is organically inscribed in the “Harbin text” of non-fabulous prose, and represents the theme of the frontier and mythologizing as basic elements of the urban folklore of Harbin.

Key words: Chinese model, “Harbin text”, memorate, oral stories, fables, “the story of the lost treasure”.

Acknowledgements. The study was carried out under the financial program of strategic academic leadership “Priority-2030,” as part of the implementation of the scientific topic FZMU-2022–0008, reg. number 1022052600017–6. The authors thank N. N. Laletina for her help in reconstructing the toponymic realities of Harbin in the first half of the twentieth century.

Received: January 16, 2023.

Date of publication: March 25, 2023.

For citation: Zabayako A. A., Ju Kunyi (2023) Rasskazy o “kharbinskikh dedushkakh”: kitaiskaya model’ sozdaniya “kharbinskogo teksta” neskazochnoi prozy [Stories About the “Harbin Grandfathers”: The Chinese Model of Creating the “Harbin Text” of Non-Fabulous Prose]. *Traditsionnaya kul’tura*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 88–97. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.008>

References

Du Xing (2008) Mínjiān juéchàng: Wáng bǎo chuānxià guāngdōng [The Folk Song “Wang Baoc-huan Going to Guangdong”]. *Kàn lǐshǐ* [A Look at History]. 2008. No. 2. Pp. 29–30. In Chinese.

Golovanov I. A. (2013) Ustnyi rasskaz-vospominanie v sovremennoi kommunikatsii kak fol’klornyi tekst [Oral Story-Memory in Modern Communication as a Folklore Text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskustvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series of Philology and Art History]. Vol. 2 (293). Pp. 89–92. In Russian.

Huang Dingtian (2013) Zhōng é guānxì tōngshǐ [A General History of Chinese and Russian Relations]. Rénmín chūbǎn shè. In Chinese.

Ju Kunyi (2019) “Kharbinskii tekst” pervoi poloviny XX v. v memoratakh kharbintsev [The

“Harbin Text” of the First Half of the Twentieth Century in the Memorates of Harbin Residents]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 120–135. In Russian.

Li Jitang (1979) Zhōngdōng tiělù-shǎē qīn huá de gōngjù [The Sino-Eastern Railway is an Instrument of Russia’s Aggression Against China]. Hēilóngjiāng rénmin chūbǎn shè. In Chinese.

Neklyudov S. Yu. (ed.) (2003) Sovremennyi gorodskoi fol’klor [Modern Urban Folklore]. Moscow: RGGU. In Russian.

Tang Ge (2015) Zhōngguó èluósī zhōngzú de zhōngzú rèntóng jí qí gǎibiàn [Ethnic Identity and the Change of Chinese Russians]. *Yānbīan dàxué xuébào (shèhuì kēxué bǎn)* [Journal of Yanbian University (Social Studies Series)]. 2015. No. 48 (01). Pp. 92–98. In Chinese.

Tong Dong (1985) Shāě yǔ dōngběi [Tsarist Russia and the Northeast]. Jílín wénshǐ chūbǎn shè. In Chinese.

Wang Xinrui (2016) Chuāngguāndōng wénxué [Study of the Literature of the “Breakthrough to Guangdong” Movement]. Zhāngchūn. In Chinese.

Xin Zhifeng (2020) Chuāngguān dōngfāng shén shì jùyǒu dōngběi tèshè de mínzú shén [The Breakthrough to Guangdong is the National Spirit with a Northeastern National Character]. Zhōngguó mínzú bōlǎn [Chinese National Exhibition]. 2020. No. 4. Pp. 103–104. In Chinese.

Zabiyako A. A. (2011) Memuary russkikh kharbintsev: mifologizatsiya istorii vs. istoriya emigratsii [Memoirs of Russian Harbinites: The Mythologization of History vs. the History of Emigration]. In: Ot Bunina do Pasternaka: Russkaya literatura v zarubezhnom vospriyatii [From Bunin to Pasternak: Russian Literature in Foreign Perception]. Moscow: Russkii put'. Pp. 247–265. In Russian.

Zabiyako A. A., Ju Kunyi (2021) Religioznaya zhizn' Kharbina pervoi poloviny XX v. v ustnykh istoriyakh zhitelei goroda (po materialam N. N. Laletinoi) [Religious Life in Harbin in the First Half of the Twentieth Century in the Oral History of Residents (According to the Materials of N. N. Laletina)]. *Religiovedenie* [The Study of Religion]. 2021. No. 4. Pp. 78–94. In Russian.

Zabiyako A. A., Ju Kunyi (2022) Syuzhet o Nikolae Ugodnike v fol'klornykh tekstakh zhitelei Kharbina [The Plot About St. Nicholas in the Folklore Texts of Harbin Residents]. *Religiovede-*

nie [The Study of Religion]. 2022. No. 1. Pp. 35–51. In Russian.

Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Zhang Ruyang (2011) Laomaotszy, khodya, fazan, tir'da: obrazy vzaimovospriyatiya kitaitsev i russkikh [Laomaozi, Hodya, Fazan, Tir'da: Images of Mutual Perception of Chinese and Russians]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies]. 2011. No. 5. Pp. 135–151. In Russian.

Zabiyako A. A., Zhou Xinyu, Liu Shi, Ye Yangyang (2022) Dvizhenie “Perekhod v Guan'dun” v russkoi i kitaiskoi literaturovedcheskoi paradigme XX–XXI vv. [The Movement “Breakthrough to Guangdong” in the Russian and Chinese Literary Paradigm of the Twentieth — Twenty-First Centuries]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China on the Far Eastern Border]. Blagoveshchensk: AmGU. Pp. 288–298. In Russian.

Zabiyako A. P. (1998) Mifologizirovanie istorii [Mythologizing History]. In: Kul'turologiya. XX vek: Entsiklopediya [Cultural Studies. Twentieth Century: Encyclopedia]. Vol. 2. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. Pp. 54–55. In Russian.

Zhang Mei (2019) Chuāngguāndōng jīng-huá de fēngshèng nèi hán jí jiàzhí zhíchí yánjiū [Studies of the Rich Connotations and Values of the “Breakthrough to Guangdong”]. *Zhōnggòng jīnán shì wěituō dǎngxìào bào* [Journal of the Party School of the CPC Jinan Municipal Committee]. 2019. No. 1. Pp. 59–64. In Chinese.

© A. A. Zabiyako, Ju Kunyi, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Zabiyako <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

E-mail: sciencia@yandex.ru

Tel.: +7 (4162) 23-45-60

21, Ignatyevskoe highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

DSc in Philology, Chief Researcher, Frontier Research Laboratory, Amur State University

Ju Kunyi <https://orcid.org/0000-0003-0957-0213>

E-mail: j_kueen@aliyun.com

Tel.: +7 (4162) 23-45-60

21, Ignatyevskoe highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

Researcher, Frontier Research Laboratory, Amur State University

---

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)